

УДК 821.161.1

**ПОЭТОНИМИКОН «ЗОЛОТОГО ТЕЛЕНКА»:
АДАМ КОЗЛЕВИЧ**

Предлагаемый к рассмотрению доклад является продолжением поднятой в нашем выступлении на предыдущей конференции темы анализа особенностей языковых личностей персонажей романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» [4]. Нашей целью является описание одной из сторон определения языковой личности героя – его имени. Объекты рассмотрения – имена персонажей, входящих в «свиту» командора. В силу ограниченности объема статьи здесь будет рассмотрен только один персонаж «свиты» – Адам Козлевич.

Как отмечает В.М. Калинин, «каждое собственное имя художественного произведения прочно связано со свойствами изображаемого и названного именем предмета» [2, с. 20]. При этом если у общеязыкового онима «в естественном языке обычно происходит либо редукция, либо полная утрата апеллятивного значения, то в художественном произведении поэтоним (если только это не соответствует замыслу автора) не подвергается информативному и содержательному опустошению. Тем или иным образом автор постоянно «напоминает» читателю: *Nomenestomen*. Имя дано персонажу неслучайно» [2, с. 21]. На наш взгляд, это свойство явно реализовано в «Золотом теленке», где оним становится не только именем героя, но и знаком его: он зачастую представляет собой набор важных для восприятия персонажа аллюзий.

Мы неслучайно используем для обозначения спутников Остапа Бендера слово «свита», даже несмотря на то, что в тексте романа оно ни разу не встречается. Мы предполагаем, что уже не раз отмечавшаяся учеными связь «Золотого теленка» и булгаковского «Мастера и Маргариты» (см. об этом: [6], которая небезосновательно утверждала, что «некоторые страницы романа

"Мастер и Маргарита", вероятно, были бы написаны иначе, если бы не существовал уже к тому времени "Золотой теленок"» [6, с. 121]; см. также [3]), может быть прослежена и на уровне личных имен персонажей этих произведений.

По нашему мнению, М.А. Булгаков в какой-то мере повторил в своем романе функции и поведенческие характеристики героев «Золотого теленка», что отразилось, во-первых, в аллюзивной связи имен персонажей двух произведений, а во-вторых, в параллельных описаниях героев: вполне очевидны отмечавшиеся не раз учеными схожести в описаниях Паниковского и Коровьева, Балаганова и Бегемота.

В предлагаемой работе нами рассмотрены мотивы использования имени *Адам Казимирович Козлевич*.

В жизни этого героя в романе отчетливо проявлены три этапа.

1. Этап неудачной воровской жизни: «Он беспрестанно нарушал Уголовный кодекс РСФСР, а именно статью 162-ю, трактующую вопросы тайного похищения чужого имущества (кража). <...> И так как с детства его влекло к технике, то он всею душою отдался пункту «в» (тайное похищение чужого имущества, совершенное с применением технических средств или неоднократно, или по предварительному сговору с другими лицами, а равно, хотя и без указанных условий, совершенное на вокзалах, пристанях, пароходах, вагонах и в гостиницах)» (здесь и далее цитируется по электронному изданию романа – [1]).

2. Этап предпринимательской деятельности (шофер такси в Арбатове). Его клиенты регулярно попадают под суд за растраты и хищения, а Козлевич всякий раз выступает свидетелем их преступлений («И Козлевич против своей воли снова погрузился в пучину Уголовного кодекса, в мир главы третьей, назидательно говорящей о должностных преступлениях»). Адам Казимирович и его машина приобретают в городе дурную славу («Граждане далеко обходили Спасо-Кооперативную площадь, на которой Козлевич водрузил полосатый столб

с табличкой: «Биржа автомобилей»)), и Козлевич совершенно лишается средств к пропитанию.

3. Этап работы у О. Бендера, когда он выполняет обязанности шофера свиты. Как говорит о нем командор, «Козлевич – **ангел без крыльев**». И поясняет: «Он до сих пор не сомневается в том, что мы заготавливаем рога для нужд мундштучной промышленности».

4. Этап «после расставания» со свитой. Это период абсолютного заката: «Если раньше машина Козлевича вызывала веселое недоумение, то сейчас она внушала жалость: левое заднее крыло было подвязано канатом, порядочная часть ветрового стекла была заменена фанерой, и вместо утерянной при катастрофе резиновой груши с «матчишем» висел на веревочке никелированный председательский колокольчик».

Как видим, Козлевич – хронический неудачник. В этой связи позволим себе утверждать, что вряд ли случайным является именно такое сочетание его имени, фамилии и отчества в романе – они выступают в качестве знаков неудачливости, жертвенности героя.

Имя *Адам* – имя первого человека, который вкусил от древа познания добра и зла не по своему желанию, а по настоянию Евы. Иначе говоря, он не инициатор, а жертва чужой инициативы. В романе отмечается инициативность Адама только на первом этапе его жизни. Кстати, этот первый этап, так же, как и все последующие, абсолютно неудачен: «Но Козлевичу не везло. Его ловили и тогда, когда он применял излюбленные им технические средства, и тогда, когда он обходился без них: его ловили на вокзалах, пристанях, на пароходах и в гостиницах. В вагонах его тоже ловили. Его ловили даже тогда, когда он в полном отчаянии начинал хватать чужую собственность по предварительному стовору с другими лицами». Герой в этом случае становится жертвой собственной инициативы. В остальных случаях инициатива, приводящая героя к бедам, исходит от других людей: от чиновников, ксендзов, Бендера и многих других.

Кроме того, следует напомнить, что в каббалистике Адам Ришон – это конструкция, состоящая из некоторых не поддающихся исчислению частиц – отдельных желаний, связанных между собой точно так же, как органы и клетки нашего тела. И этот мотив имени тоже прослеживается в романе. С одной стороны, сам Козлевич – носитель чистых желаний: для него факт обогащения не важен. Он просто хочет приобщиться к технике (и даже крадет он только при помощи технических средств). С другой стороны, он становится инструментом воплощения порочных желаний арбатовцев, Бендера, ксендзов Кушаковского и Морошека.

Заметим, кстати, что Адам Козлевич аллюзивен и в том смысле, что именно его появление превращает «Золотого тельца» в роман-травелог: герои путешествуют на его автомобиле. Бендер называет эту машину «Антилопа Гну», что, как отмечает, например, Ю.К. Щеглов, является еще одной романной аллюзией: «Антилопой» называлось судно Гулливера у Дж. Свифта. Правда исследователи считают, что ассоциация с этим кораблем «может быть связана <..> с тем, что Бендер, особенно во втором романе, является своего рода Гулливером, который попеременно предстаёт то великаном (на фоне большинства комических персонажей романа), то лилипутом (на фоне «истинного социализма»)» [5, с. 371]. Мы, однако, предполагаем, что, как и у Свифта, не только герой меняет свой статус в разных мирах, но и мир предстает в калейдоскопе различий. Об этом, например, упоминается в известном лирическом отступлении в начале «Золотого тельца», где говорится о том, что «параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами».

Отчество героя – *Казимирович*. Конечно, это отчество, вкупе с именем и фамилией становятся знаками его польского происхождения. Он сын поляка Казимира. Но это имя значимо для польской культуры: в истории Польши было пять правителей с этим именем. Кроме того, широко почитаем поляками Казимеж (Казимир) святой, который обращал на себя внимание современников

образованностью, скромностью и набожностью. Все эти три свойства вполне очевидны в образе Козлевича, но все они сопряжены с неудачами: он образован (по крайней мере, технически, и даже грабить пытается только при помощи технических средств), пародийно набожен (см. эпизод успешного «охмурения» героя ксендзами). Он скромен («ангел без крыльев») и простодушен: как отмечает Л.М. Янковская, Козлевич настолько бесхитростен и простодушен, что, участвуя в погоне за миллионом, не понимает «заговорщицких намёков» своих товарищей [6, с. 107].

Но наиболее важна, как нам кажется, фамилия героя – Козлевич. Она происходит от апеллятива Козел. Напомним, что в иудейской традиции козла (козла отпущения) ассоциировали с прикованным в пустыне демоном Азazelем. И, как мы видим, с одной стороны, образ Козлевича – это образ именно кроткого и жертвенного человека, а с другой, это образ малоговорящего и исполнительного героя, сродни булгаковскому Азazelло.

Итак, мы можем предположить, что Адам Козлевич является носителем идеи жертвы и жертвенности в романе И. Ильфа и Е. Петрова. Эта его функция наиболее явно прослеживается на фоне действий других персонажей, что мы и постараемся показать в последующих наших работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильф, И., Петров, Е. Золотой теленок. – Режим доступа : http://knigger.org/ilf-and-petrov/02_zolotoi_telenok/.
2. Литературная ономастика, или Поэтика онаима // Методические указания к спецкурсу [для студентов филологических факультетов] / сост. В.М. Калинин. – Донецк, 2002. – 39 с.
3. Лурье, Я. С. В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2005. – 236 с.
4. Шишкина, И. Е. Языковая личность Остапа Бендера // Русский язык в поликультурном мире: IX Международная научно-практическая

- конференция (8-11 июня 2015 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. ст. В 2-х частях. I часть. – Симферополь : ООО «Антиква», 2015. – С. 240-245.
5. Щеглов, Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2009. – 656 с.
 6. Яновская, Л. М. Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе. – М.: Наука, 1969. – 216 с.

Аннотация

Шишкина Илона Евгеньевна. Поэтонимикон «Золотого теленка»: Адам Козлевич

Предлагаемая статья посвящена описанию одной из сторон определения языковой личности героя – его имени. В работе рассмотрены мотивы использования имени Адам Казимирович Козлевич в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Автор приходит к выводу, что такое сочетание имени, фамилии и отчества героя произведения не случайны – они выступают в качестве знаков неудачливости, жертвенности героя.

Ключевые слова: персонаж, сюжет, текст, художественное произведение, языковая личность.

Summary

Shishkina I. Poetonymicon of "The Golden Calf": Adam Kozlevich

This article deals with the description of one of the aspects of character's language identity determination – his name. In this work the motives of the use of the name Adam Kazimirovich Kozlevich in the novel by I. Ilf and E. Petrov "The golden calf" are considered. The author arrives at a conclusion that such combination of the character's first name, second name and patronymic is not accidental; they serve as the signs of character's unluckiness and victimhood.

Key words: character, plot, text, fiction book, language personality.